

МИХАИЛ
МАРГОЛИС

ЗОСИ МОВ

БОРИС

ЧЕЛОВЕК,
ПОДАРИВШИЙ НАМ MTV
И «МОНСТРОВ РОКА»

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Подарочные издания. Музыка

Михаил Марголис

**Борис Зосимов. Человек,
подаривший нам MTV
и «Монстров рока»**

«ЭКСМО»

2022

УДК 785:929(470)
ББК 85.318(2)6-8

Марголис М. М.

Борис Зосимов. Человек, подаривший нам MTV и «Монстров рока» / М. М. Марголис — «Эксмо», 2022 — (Подарочные издания. Музыка)

ISBN 978-5-04-169939-0

Книга знаменитого журналиста, музыкального критика и радио-ведущего Михаила Марголиса посвящена Борису Зосимову, культовой фигуре российского музыкального мира. В увлекательном, почти приключенческом романе раскрывается удивительная история жизни невероятного медиа-менеджера и продюсера, для которого нет ничего невозможного: организовать концерт Metallica и AC/DC в Москве за три недели, создать музыкальный канал MTV, подружить Алсу с князем Монако. Завораживающая панорама молодой музыкальной индустрии России 1990–2000-х годов переплетается в этой книге с забавными анекдотами из жизни Бориса Зосимова и его многочисленных друзей, с лирическими зарисовками и тонкими историческими наблюдениями. Эта книга предназначена для всех, кто интересуется российской музыкальной индустрией, и станет настоящим подарком для любителя необыкновенных историй о рок-н-ролле, который все еще жив. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 785:929(470)
ББК 85.318(2)6-8

ISBN 978-5-04-169939-0

© Марголис М. М., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Михаил Михайлович Марголис

Борис Зосимов

Человек, подаривший нам MTV и «Монстров рока»

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Михаил Марголис, текст, 2022

© Борис Зосимов, фото, 2022

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

* * *

Тридцать лет назад, в 1992-м, толстый, респектабельный журнал «Деловые люди», эталонный отечественный вариант знаменитого Forbes, распространявшийся в англоязычной версии и за рубежом, назвал «самым влиятельным человеком в шоу-бизнесе России» Бориса Зосимова. Выбор выглядел логично. Годом раньше этот человек сенсационно, затратив лишь три недели на подготовку, провел на аэродроме в Москве крупнейший (вписанный в «Книгу рекордов Гиннеса») международный рок-фестиваль Monsters of Rock, где хедлайнерами выступили Metallica и AC/DC, а партнерами Бориса являлись миллиардеры всемирной корпорации Time Warner, руководители московской мэрии и члены российского правительства. Он основал свою многофункциональную компанию BIZ Enterprises, которая действовала по обе стороны Атлантики, проводила гастроли популярных артистов и регулярные стадионные концерты ведущих российских рок-групп. Зосимовская экспансия на ТВ, радио, в прессе была стремительной и несравнимой с результатами его конкурентов. Он галопом опережал всех на нашем музыкальном рынке, попадая, естественно, в противоречивые (читай: стремные, полукриминальные, непредсказуемые) ситуации, которыми напичкана история становления любого российского бизнеса, тем паче шоу-бизнеса. Зосимов «разруливал» эти ситуации и решал многие проблемы с изрядным авантюризмом, но эффективно, порой с гусарской лихостью. Вся его профессиональная история – увлекательный, остросюжетный сериал (вопросы к нему появлялись даже у Интерпола), перенасыщенный звездными лицами.

«Деловые люди», признав Бориса Гурьевича «самым влиятельным» в российском шоу-бизнесе в 1992-м, могли бы закрепить за ним это звание и на следующее десятилетие. Зосимов стабильно «повышал ставки» до начала нынешнего века и сохранял лидерство на российском музыкальном рынке. Это он наполнил актуальным контентом первый отечественный развлекательный телеканал «2x2», привел в Россию мирового рекорд-мэйджора Polygram, открыл MTV Russia, внедрил идею тура «Голосуй, или проиграешь», придумал телеканал «Муз-ТВ», создал

свою музыкальную газету, модный журнал и сделал поп-звездой собственную дочь Лену. В определенный момент Борис решил, что достиг многого и накопил достаточно, дабы вместе с семьей удалиться от суеты к красивому европейскому озеру и у домашнего очага не спеша созерцать происходящее в мире сегодня, периодически вспоминая былое...

Глава 1

Моральная ломка комсомольца

К своему 70-летию он подошел с полнейшим во всех смыслах достатком, умиротворенный собственным милым домом, красивой, любящей женой, дочерьми и благолепием французской пасторали. Повесть о нем можно начать как предание...

«В те далекие времена, когда на краю Старого Света существовала большая страна под названием СССР, где табуированную триаду „sex, drugs and rock’n’roll“ заменяли „любовь, комсомол и весна“, в семье высокопоставленного номенклатурного чиновника Гурия Петровича Зосимова рос юноша Боря, с детства обладавший всем, о чем лишь грезили девяносто девять процентов его советских сверстников».

Даже родился он и юность свою провел в почти заграничной по союзным меркам Риге, а, скажем, не в Сыктывкаре или Вологде. Далее случился переезд в Москву. У папы – серьезный пост в Госплане, у Бори – поступление и окончание престижной «Плешки» (экономический университет им. Плеханова). И затем – торный карьерный путь советского «мальчика-мажора». Борису еще тридцати не исполнилось, а он успел послужить референтом в Комитете молодежных организаций СССР, инструктором в столичном Ленинградском райкоме комсомола, зам начальника управления приема почетных гостей оргкомитета летней Олимпиады-80 и замначальника отдела школы переподготовки кадров комсомольских работников ЦК ВЛКСМ.

О тех официально бойкотированных внушительной частью цивилизованного мира Олимпийских играх в Москве, ставших тем не менее праздником и лучом света для огороженных железным занавесом строителей коммунизма, Борис вспоминает как об «абсолютном счастье». Одного из его райкомовских товарищей пригласили тогда поработать в олимпийском оргкомитете, и он позвал Зосимова с собой, обрисовав заманчивые возможности: «Станешь моим замом. Займешься приемом разных почетных гостей. Наберешь четыреста переводчиков и будешь все координировать». Действительность, как пел Высоцкий, оказалась «еще шикарнее». У 27-летнего Бори появилась даже персональная служебная «Волга» с телефоном. «Представляешь, в 1979 году! Я прямо из машины звонил знакомым девушкам. Это была сказка. И я реально организовывал во время Олимпиады московский быт разных принцев, главы МОК, других VIP-персон. С Самаранчем общался. Мог пойти на любые соревнования на лучшие места. Много тогда посмотрел, только на закрытии Олимпийских игр не присутствовал – заканчивал в тот момент подготовку всяких документов. Так что Мишка на шариках улетел без меня. Вообще, эта работа мне очень понравилась. Я не пытался воспользоваться ей с какой-то личной выгодой, просто кайфовал от общения с людьми с другой планеты, оно очень раскрепощало».

Инопланетянами, разумеется, были «люди с Запада» (туристы-болельщики, члены спортивных делегаций, представители некоторых фирм), объявившиеся в «зачищенной» Москве олимпийским летом 1980-го в непривычно большом количестве. Советские фарцовщики, например, стремились наладить с гостями эффективные интернациональные товарно-денежные контакты. Зосимову и такого не требовалось. «Фарцовка в ту пору абсолютно мимо меня прошла. Хотя знал ребят, которые этим занимались.

На Садовом, помнится, у одного из магазинов была „толкучка“, и я там периодически тусовался, общался с продавцами. Но сам ничего не продавал, не покупал. Смысла не было. Во-первых, я являлся крупным комсомольским работником, у меня имелись чеки в „Березку“. Я мог там приобретать „валютные“ товары, в том числе хорошие сигареты, жвачку и т. п. Во-вторых, благодаря папе у нашей семьи было „кремлевское обслуживание“. Так что мне и без фарцовки вполне всего хватало.

Мне вообще в жизни повезло. На любую свою работу ходил как на праздник. Включая даже райком комсомола, поскольку занимался там вопросами, с политикой не связанными. Организовывал поездки советской молодежи за рубеж. Собеседования проводил, про „ордена комсомола“ спрашивал... Короче, все эти анекдотичные формальности. А меня самого в заграничные вояжи утверждал горком. И вот горком меня в начале 1980-х не пустил во Францию, зато я трижды съездил в Чехословакию и еще в некоторые соцстраны».

Ну, прокатили горкомовцы Зосимова с одной поездкой в капстрану, наверняка отправили бы чуть позже в другую. Обиженно хлопать дверью из-за такой частности сыну начальника отдела Госплана СССР не следовало. Впереди маячили очередные карьерные рубежи. Возможно, к середине 1980-х Борис сам бы уже стал каким-нибудь руководителем в горкоме и определял, кому куда ехать. Но что-то екнуло в его подсознании (безотносительно «французского облома») после олимпийских встреч с западными гостями. Он «начал подтягивать иностранный язык» и ощутил «порыв свалить вообще из этого комсомола». Похоже, те самые «инопланетяне» в отношении Зосимова произвольно сработали как настоящие «агенты влияния», и не зря горкомовские кураторы сомневались в идейной стойкости своего молодого однопартийца. Хотя Борис во всем «винит» исключительно себя. «Я увидел людей с другими интересами, другой точкой зрения. Никто из них меня не агитировал, антисоветчиком не делал. Просто само общение с ними было радостью.

Пока работал в райкоме, мне прочищали мозги с утра до вечера. Войну в Афганистане объясняли примерно так: там есть какая-то гора, и с этой горы американцы могут запустить ракеты в Москву. Поэтому мы вошли в Афганистан. Когда подобное тебе вталкивают ежедневно, начинаешь в это верить. Слава богу, у меня хватило ума, оказавшись в ЦК комсомола, увидеть огромную разницу между реальностью и тем, что происходит внутри системы, где всякие Иван Ивановичи изображают из себя патриотов, а сами – конченные раздолбаи. Плюс я очень любил музыку и активно ей занимался. Вечерами ходил в единственный тогда ночной клуб в Москве. Сознание раздваивалось: оказывается, есть вот такая жизнь, нормальная, где говоришь правду, общаешься с людьми, которые тебе интересны. И есть другая, где постоянно цинично врешь и слушаешь такую же ложь в ответ. Моральная ломка была страшная. Жить в такой биполярности, раздвоенности стало невыносимо. В итоге в 1981 году я ушел из комсомола, кинув партбилет на стол. После чего был уверен, что мне никогда не сделать никакую карьеру, не поехать ни в какую за границу, что у меня „волчий“ билет. Тем не менее совершил этот шаг абсолютно сознательно».

Маму Бориса внезапный сыновний катарсис предсказуемо шокировал. «Что ты делаешь?! – воскликнула Раиса Леопольдовна, работавшая финансовым директором московского ювелирного завода. – Ты себе жизнь погубил!» Зато сановный папа Гурий Петрович, которому Борино фрондерство могло, в принципе, аукнуться проблемами, неожиданно крамольно шепнул на ухо сыну: «Молодец». «И тут я обалдел, – не скрывает Зосимов. – Отец был человеком с таким внутренним стержнем, что плевал на любые пересуды и порой высказывался весьма смело. Да и не могли с ним ничего сделать, поскольку его как эффективного экономиста очень

ценили и глава Госплана Байбаков, и председатель Совмина Косыгин. Так что мой поступок его не испугал. Напротив, показалось, папа даже обрадовался, что сын уходит из этой клоаки».

Все и впрямь обошлось без драматизма. «Начальники мои комсомольские сперва, конечно, начали распальцовку, грозили всячески, рисовали мрачные перспективы. Но никаких серьезных последствий не было».

Глава 2

Нелегальный рок-н-ролл. Арест Романова

Надо все же заметить, что свой райкомовский кабинет Борис покинул не из одного лишь когнитивного диссонанса. «Сработала чуйка», которая, по убеждению Зосимова, «с молодости ведет» его по жизни и «никогда не подводит». Будущий «воротила шоу-бизнеса», сдав комсомольские дела, не в сторожа подался, а сразу направился к своему весьма предприимчивому знакомому Ованесу Мелик-Пашаеву, извлекавшему прибыль из официально не существовавшего в «застойную» пору советского рок-н-ролла. В частности, Ванечка (как называли Пашаева практически все пересекавшиеся с ним музыканты) несколько лет, на стыке 1970–1980-х, представлялся директором и даже художественным руководителем «Машины Времени».

«Ванечке очень хотелось сделать карьеру – рассказывал мне Андрей Макаревич. – И когда „Машина“ пришла в Росконцерт, он настаивал на том, чтобы считаться нашим худруком. Объяснил нам, почему это нужно. Мол, именно с художественным руководителем начальство Росконцерта решает все вопросы относительно группы, и все неприятности, все шишки тоже валятся на него. А меня это очень устраивало. С радостью снял с себя административные обязанности, которые мне непроизвольно достались. Остальным же ребятам все было по херу. Хочет Ованес Нерсесич быть главным – пусть будет».

Собственно, Пашаев и рекомендовал Борису завязывать с «госслужбой». «„Чего ты там в райкоме чепухой занимаешься, – сказал как-то Ваник. – Переходи работать ко мне, директором коллектива“. Я поразмыслил и решил, что, приняв его предложение, начну жить настоящей жизнью, в гармонии с самим собой. Если останусь в райкоме... Ну, продвинусь куда-нибудь „по партийной лестнице“. Стану, допустим, заместителем заведомо ЦК. Это совсем не вдохновляло.

Увольняясь из райкома, я, конечно, знал, что иду не на улицу, а конкретно в группу „Воскресение“. Иных вариантов у меня не было. Приглашение такого рода стало первым и на тот момент единственным. Ребята из того состава „Воскресения“ мне нравились: Лёшка Романов, Вадик Голутвин, Игорь Клёнов... И к Ванику никакой антипатии не испытывал. Что касается перспектив разбогатеть на организации концертов, то в тот период и до определенной поры деньги не являлись для меня особой мотивацией. Я же из обеспеченной семьи, родители немало работали за границей, в материальном плане у меня проблем не было. Но я понимал, что, по сути, все начинаю заново и разрушаю уже сложившуюся карьеру. Тем не менее чуйка моя подсказывала, что так и надо».

«Разумеется, в 1981-м я не представлял, что произойдет с Советским Союзом через десятилетие, но было предчувствие, что коммунистическая идеология и все с нею связанное накроется однажды медным тазом. Не хотелось дожидаться краха этой системы в положении пассажира „Титаника“, цепляющегося левой рукой за борт тонущего корабля».

И Борис отправился к Пашаеву, с которым общался, когда тот еще «руководил» в «Машине Времени». «Машинисты» тогда попали в очередную опалу и фактически оказались «бездомными». «По сути, их тихо уничтожали – говорит Зосимов. – И я подписал официальную бумагу, что „МВ“ – ансамбль райкома комсомола Ленинградского района Москвы. Дал им репетиционную базу. Не то что бы спас их, они и без меня в итоге спаслись, но помог в трудную минуту. Андрюха об этом помнит до сих пор». «Прекрасно помню, – подтверждает

Макаревич, – Зосимов взял на себя смелость приютить нас на своей территории, дал помещение в подведомственном ему районе. Боря вообще был подвижный, динамичный парень, очень любивший музыку, в том числе ту, которой мы занимались. Конечно, он всячески использовал свое положение, чтобы оказать нам какую-то поддержку, если была возможность. Тогда статус одного из райкомовских руководителей кое-что значил. Правда, о том, как он оттуда ушел к Ванечке, мне ничего не известно».

«Я познакомился с Зосимовым в начале 1980-х, – рассказывает лидер „Воскресения“ Алексей Романов, – когда он как раз был в компании с Ованесом Мелик-Пашаевым. Борис Гурьевич только еще вникал в дела группы. Видно было, что парень толковый, но в нашем деле все для него в диковинку. Он же пришел таким „галстуком“ – комсомольский работник, безупречные манеры. И наша хипповая компания его до некоторой степени шокировала. Но как-то довольно быстро он к нам проникся. Ему было интересно. Он достаточно много рассказывал про какие-то свои командировки на Дальний Восток, кажется. Про тигров у него забавная история имела. Нам в группе тоже их альянс с Пашаевым был любопытен. Мне, Вадику Голутвину, Вовке Воронину, Игорю Клёнову хотелось понять, куда мы угодили. Клёнов хотя бы работал прежде с Ованесом в „Машине“. Вадик был просто опытным человеком со способностями психолога. Он на раз определил, „ху из ху“. А для меня все выглядело непредсказуемым приключением, и каждая персона в нашем сообществе вызвала интерес. Еще Иван Бобко появился. Ованесовский дружок. В качестве кого он был? Да вот в качестве друга Ванечки. А какие функции были у Зосимова? Хрен знает. Вместе они составили некое административное ядро „Воскресения“. Думаю, Ованес какую-то схему выстроил, где всё не зря и неспроста. Он же был классным математиком и преферансистом. Они пытались нас с переменным успехом в разные филармонии трудоустроить, и мы путешествовали по стране большой бригадой. А для этого кроме бюрократической канители требовалось налаживать хорошие отношения непосредственно с нужными филармоническими деятелями. Кажется, они таким товарищам, скажем, в Йошкар-Олу, разные подарки из Москвы возили, включая сливочное масло.

Это был такой непродолжительный, но активный период в истории „Воскресения“, когда в группе собралась, в сущности, новая компания. Мы притирались друг к другу, и отношения у нас складывались не столько производственные, сколько приятельские.

Мы постоянно находились вместе, выпивали, ржали. Кажется, Боря тогда тоже принимал алкоголь. Чисто из солидарности. И сохранял при этом имидж элитного парня: элегантность, аккуратная прическа, поставленная речь, приятный баритон. Хиппи и панкам он подражать не пытался. Держался интеллигентно».

«„Воскресение“ представлялось мне довольно сложным организмом, – отмечает Зосимов. – Ребята, выпив, жили на сцене своей жизнью, а музыку, которую они играли, я понял только через много лет».

Кочевое, прикольное существование «воскресников» прервалось внезапно и жестко. В разгар короткого, но мрачного периода правления в СССР генсека Андропова волна различных «чисток», гонений и показательных кар затронула и сферу «молодежной музыки». Властям понадобилась заметная жертва среди «любительских» рок-команд для обвинения в незаконной коммерческой деятельности. Черная метка отчего-то выпала «Воскресению». В августе 1983 года Алексея Романова (а заодно с ним и звукорежиссера группы Александра Арутюнова) арестовали, затем судили и дали «сроки с конфискацией».

Ситуация выглядела диковато и мутно еще и потому, что за некую «незаконную коммерцию» (подразумевалась «левая» продажа билетов на концерты) закрыли двух участников творческого состава команды, хотя у «Воскресения» имелись администраторы, которые, по идее, и занимались финансовыми вопросами, – Пашаев и Зосимов. Но их в кутузку не отправили.

«Мы с Пашаевым на фиг никому не нужны были. Они наехали на абсолютно гениального человека, дабы покошмарить других. Те цензоры, на мой взгляд, все были больные на голову и в каждой второй строчке песен рок-групп видели угрозу развала СССР. И на кой мы им с Ваником? Они прекрасно знали, что группы вроде „Воскресения“, так же как официальные ВИА, выступают за гонорар. И понимали, что речь тут, в сущности, о копейках. Мы же не „Елисеевский“ гастроном № 1. Поэтому задача была не наши „левые“ заработки накрыть, а известного музыканта демонстративно посадить.

Хотя меня таскали очень долго по этому делу. В ОБХСС, кажется, допрашивали. Даже конкретно угрожали: скажи, Романов билеты продавал? Я отвечал: вы что, ненормальные? Какие билеты он мог продавать? Романов – артист. Есть же касса, филармония – они и продавали билеты. А Лёшка групповой поход в туалет не смог бы организовать. Что он там следователям сам о себе наговорил – не знаю, но его закрыли, просто придумав повод.

Не забуду, как ходил утверждать в Минкульте тексты Лёшкиных песен. Женщина, проверявшая репертуар группы и ставившая печать на листочках, каждый раз говорила: „Боря, я понимаю, что он гениальный поэт. Но я не могу это пропустить“. И я за Лёшку что-то дописывал. Грубо говоря, переделывал „Кто виноват“, „По дороге разочарований“, вставлял в них какой-то абсолютный бред, подавал ей на „литовку“, она ставила печать, и я радостно возвращался, говоря – ребята, пойте что хотите.

Произошедшее с Романовым, разумеется, обсуждалось в музыкантских кругах и, скажем так, в тусовке. Некоторые удивлялись, что в этой теме администраторы «Воскресения» как-то моментально исчезли с горизонта. Ни в «Бутырку» ради, например, свидания или передачи, ни к Алексею в суд, проходивший в подмосковном Железнодорожном, Пашаев и Зосимов не приезжали.

«Сложно сказать, почему я к Лёшке в тюрьму не ездил, – говорит Зосимов. – Нас так шокировал его арест, что мы все как-то сразу разошлись в разные стороны. Я даже не интересовался, вызывали ли Ваника на допросы. Случись такое сейчас, не дай бог, поехал бы обязательно. А тогда, возможно, не понимал всей мерзости и сложности ситуации».

«Боря много чего не помнит, – объясняет Романов. – В „Бутырку“-то вызывали только на очные ставки. И ко мне приезжал туда, по-моему, только Андрюшка Сапунов, потому что его вызвали именно на „очку“. Следователей интересовал период с 1981-го по начало 1982 года, когда Зосимова и Пашаева еще в группе не было. А то, что Борю таскали в ОБХСС, – так это просто всех допрашивали из нашего круга. Но в „Бутырку“ их с Ваником не звали. А свидания там предоставляли только с родственниками. Ну и куда бы Зосимов приехал? Постоять у проходной? На хера это надо?

Никаких претензий к нему и близко нет! Образно говоря, меня тогда сняли с другого „парохода“. С Пашаевым и Зосимовым мы хотели как раз легальную, филармоническую деятельность наладить. И насколько-то смогли. Достаточно много прокатились, с забавными эпизодами. Нам порой устраивали худсоветы и просмотры прямо на маршруте. Приезжали рос-

концертные дядьки и тетки. Ованес специально для таких случаев разучил каприз Паганини на фоно, раза в полтора медленнее, чем нужно, его играл, но все-таки! И, кажется, Борька тоже что-то на сцене музицировал. Еще Миша Богудлов из московской филармонии с нами был, изображал эдакого пирата на бонго. В общем, придумали достаточно забавный номер: этюд Паганини в слегка цирковом обрамлении, чтобы было понятно: мы – бригада артистов, а не какие-то проходимцы.

А о том, что Зосимов чего-то дописывал в мои тексты, когда их „литовал“, я знаю с его слов. Честно говоря, посмотрел бы на эти шедевры. Безумно интересно. У меня был несколько позже эпизод, когда я катался с тем же Ованесом, но в качестве автора-исполнителя, и опять за нами ездила бригада проверяющих из Росконцерта. И Любовь Михайловна Барулина, литературатор, почему-то очень боялась песни „Солнцем освещенная дорога“. Что это: жизнь после смерти? Ей было за шестьдесят, и ее это очень пугало. Предложила мне читать поэтов Серебряного века. Я почитал и понял, что у меня гораздо оптимистичнее вещи. Потом она докопалась до „Кто виноват?“. Я принес ей одиннадцать вариантов текста. Она все прочитала, охнула и сказала: „Исполни что хочешь“».

Автор композиции «Радуюсь» (где упомянута та самая «солнцем освещенная дорога») провел в Бутырской тюрьме немало месяцев и лишился части своего имущества, а от Зосимова «через несколько допросов отстали». Развеивая сомнения в чистоте своих тогдашних действий, Борис говорит: «Почему в итоге не тронули ни меня, ни Ваника – понятия не имею. Даже если предположить, что мы попробовали „перевести стрелки“ на Романова, получится бред сивой кобылы. То есть два администратора группы убедили следователей, что продажей билетов у нас занимался вокалист! В такую чушь никто бы не поверил. Они целенаправленно катком проехали по Лёшке. И никаких объяснений на эту тему, тем более упреков с его стороны типа „что же вы меня бросили“, никогда в нашем последующем общении не возникало».

Зосимов и Романов действительно сохраняют нормальные отношения по сей день (они, к слову, ровесники, и в 2022-м у обоих юбилей). В нынешнем веке Алексей со своей супругой Ларисой пару раз даже приезжал погостить к Борису и его семейству на берега Женевского озера. «В 2017-м заезжали к ним на шашлык под пути из Грюйера, где слопали столько сыра, что шашлык уже не пошел, – вспоминает Романов. – Просто вина попили, пообщались. А через пару лет приехали к Боре вновь. Лето, июль, собственный бассейн, вкусная еда. Нас принимали прекрасно. Борька сейчас такой барин, вальяжный, окружен красивыми девками. И дай им бог – дружная, счастливая семья».

Глава 3

Резкий Барыкин. Бунт «Землян». Сгоревшая иномарка

В первой половине советских 1980-х картина выглядела иначе, и до альпийской релаксации «под крышей дома своего» Зосимову предстоял длинный, рискованный маршрут. После олимпийского оргкомитета, куда он попал по наводке райкомовского коллеги, и «Воскресения», где оказался по зову Мелика-Пашаева, Борис стал действовать самостоятельно, ибо появился выбор возможностей.

«Когда Лёшку Романова забрали в тюрьму, „Воскресение“ распалось. Мы с Ваником не понимали, что делать. Я сказал, что попробую пойти на „свой хлеб“, и начал работать с Сашей Барыкиным. Несколько лет у нас получалось весьма успешно. Он отлично понимал, что я не обманываю его в финансовых вопросах. Это совсем не в моих правилах. И при этом я „заряжал“ ему нереальное количество концертов. Мы работали по всей стране, то от Московской областной филармонии, то от Ташкентского цирка. А поскольку мне тогда нельзя было числиться администратором или директором, чтобы получать свои деньги, приходилось представляться музыкантом. Во время выступлений я, как ишак, номинально присутствовал на сцене, стоял где-то позади, возле кулис».

Возможно, в середине 1980-х, рядом с Барыкиным, уже прошедшим «Динамик» и «Карнавал», Борис на сцене и впрямь чувствовал себя «ишаком». Но пятнадцатью годами раньше, на заре 1970-х, в подмосковных Люберцах бывало и по-другому.

«Я в ту пору играл там на танцплощадке в составе ансамбля „Струны сердца“. Был клавишником и вокалистом. Выходил к публике в белом костюме и думал, что на нас все, включая Сашу Барыкина, который периодически появлялся там на танцах, смотрят как на богов. Не забуду, как орал в микрофон что-то из „цеппелинов“, кажется, Whole Lotta Love, и затем услышал, как двое парней перед сценой делились друг с другом впечатлением: смотри, чувак поет почти как Плант. Тогда у меня крышу сносило от таких комплиментов. Потом-то понял, насколько все это было смешно.

Есть ли у меня записи тех лет с моим вокалом? Нет. Ты не первый, кто об этом спросил. И жена интересовалась, и дети. Но ничего из той концертной практики у меня не сохранилось. Зачем? Когда впервые услышал, как на более-менее приличной для Союза аппаратуре люди играли намного лучше, чем я, тут же решил: все, музыкантом не буду, а стану тем, кто командует музыкантами за кулисами».

«И в амплуа начальника Зосимов действительно оказался эффективен, при этом со всеми „подведомственными“ ему исполнителями сохранял вполне позитивные отношения».

«С тем же Сашей Барыкиным мы очень дружили и никогда не конфликтовали. На гастролях жили в одном номере. Это было просто необходимо. В нормальном состоянии он просыпался утром, подходил к зеркалу и произносил: „Родит же бог такую красоту!“ Но когда выпивал, мог запросто с шестого этажа пойти гулять. Приходилось его контролировать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.